

2. Сводный словарь лексики современного русского языка. М., 1991. Т. 1.
3. Обратный словарь русского языка. М., 1974.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
5. Янко-Триницкая Н.А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. М., 1963.
6. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории русского словообразования (аспект взаимодействия словообразования с лексикой): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Днепропетровск, 1983.
7. Голев Н.Д. Идиоматичность слова в лексическом и словообразовательном аспектах // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. 1.
8. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
9. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.
10. Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
11. Голев Н.Д. Спецификация и деривационное слово в системе понятий деривационной лексикологии / Н.Д. Голев, М.Г. Шкуропацкая // Вестник Барнаульского гос. пед. ун-та. Барнаул, 2002. Вып. 2.
12. Михалкина И.В. Лингводидактические основы отбора и презентации языкового материала в учебном пособии «Лексика делового человека». Ч. 1: Русский язык как иностранный: методика и практика преподавания / И.В. Михалкина, Н.В. Баско, Л.Н. Норейко, Л.А. Нестерская // Вестник ЦМО МГУ. 1998. № 1.
13. Шкуропацкая М.Г. Деривационное измерение лексики: системный аспект. Барнаул, 2003.

Т.А. Голикова

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Актуальность современных этнопсихолингвистических исследований обусловлена необходимостью формирования теоретической базы исследования этнического сознания, уточнения понятия *этническая картина мира*, широко и, к сожалению, неоднозначно используемого в современной науке. Кроме того, требует освоения огромный разнохарактерный эмпирический материал, накоплен-

ный в процессе различных этносоциологических, этнопсихологических, а также психолингвистических исследований.

Цель нашей работы - *представить теоретические основы психолингвистической концепции исследования этнического языкового сознания.*

Экспериментальное исследование этноспецифичных стереотипов алтайского и русского языкового сознания проводится с опорой на *свободный ассоциативный эксперимент*, который состоит в предъявлении слов-стимулов, *интуитивно определяемых самими носителями языка как типичные стереотипные характеристики, ценности, приоритеты.*

Наличие материалов ассоциативных норм - ассоциативных словарей - разных языков, полученных в ряде стран на базе типологически различающихся языков, открывает широкие возможности для межъязыковых сопоставлений, необходимых для выявления универсальных и идиоэтнических закономерностей, присущих лексическому ассоциированию носителей различных языков.

Необходимость, актуальность и репрезентативность различных ассоциативных методик для исследования языкового сознания в настоящее время доказаны на материале различных языков. Теоретические основания, а также основные методики проведения эксперимента описаны в: [1-3]. По мнению А.А. Залевской, ассоциативный эксперимент дает богатый материал для межкультурных и междисциплинарных исследований, позволяя выявить как «общечеловеческие» характеристики свободных ассоциаций, так и ту неповторимость, которую им придает та или иная культура [1], а также концептуальная система индивида.

С целью обнаружения *закономерностей сосуществования структур этнорегионального менталитета алтайцев и русских* на территории Республики Алтай в 1999-2001 гг. проводился массовый ассоциативный эксперимент, по итогам которого нами был составлен «Алтайско-русский ассоциативный словарь» [4]. Выбор диалектной группы *алтай-кижи* и территории обусловлен, во-первых, статусом алтайского диалекта как *государственного языка* Республики Алтай, во-вторых, статусом Горно-Алтайска как *столицы республики*, в-третьих, статусом алтай-кижи как *титульного этноса*. В связи с актуальностью в настоящее время различного рода сопоставительных исследований для установления закономерностей межэтнического речевого общения, к эксперименту были привлечены также группы алтайцев-билингвов и русских, про-

живающих на указанной территории. Согласно этому, названный словарь состоит из трех частей: первая представляет ассоциативные реакции группы алтай-кижи на алтайском языке, вторая - алтайцев-билингвов на русском языке, третья - русского населения.

На каждое алтайское слово-стимул (предъявлялось 105 слов-стимулов различных смысловых полей) в процессе ассоциативного эксперимента было получено 920 реакций (что составило 96 600 реакций). На каждое русское слово-стимул - 1849 реакций. Из них: 972 реакции - русского населения (всего - 102 060 реакций), 877 реакций - алтайского населения (всего - 92 085 реакций). Общее число полученных реакций составило 290 745 реакций. Неравенство в численности реакций русской и алтайских групп вызвано тем, что в ряде анкет зафиксировано непонимание либо русских слов-стимулов алтайцами-билингвами, либо алтайских слов-стимулов алтайцами-монолингвами (причинами этого являются: низкий уровень языковой компетенции, владение родным алтайским языком только на бытовом уровне и др.). Некоторые испытуемые неверно поняли задачу эксперимента и вместо представления ассоциативных реакций дали перевод слов-стимулов.

В эксперименте принимали участие носители алтайского и русского языков различных *социально-возрастных групп*. Состав и численность участников эксперимента позволяют считать полученные результаты репрезентативными.

Исследования В.А. Пищальниковой и И.В. Рогозиной показали возможность использования в качестве инструмента определения наличия и степени этнической напряженности некоторых психолингвистических методов исследования языкового сознания, в частности, свободного ассоциативного эксперимента, и психолингвистических моделей смысла [5, с. 120-128]. В связи с тем, что в основе межэтнической напряженности лежит агрессивность, присущая отдельному индивиду или обществу в целом, причем агрессивность и враждебность по отношению к другому (чужому) имеет не врожденный биологический характер, а социально приобретенный, эта агрессивность выявляется как эмоционально-оценочное негативное отношение к чужому, что фиксируется не только в более или менее осознанных гетеростереотипах, но и в подсознательных ассоциативных реакциях, связанных по важным для этноса признакам. Это могут быть представления об исконной *территории, родине, культуре, семье* и под.

Мы полагаем, что ассоциативный эксперимент может служить инструментом обнаружения не только этнической напряженности, но и степени близости этносов, а также средством обнаружения тенденций к ассимиляции этноса. Эта степень близости может не осознаваться носителями той или иной этнической культуры, однако очевидно выявляется в анализе содержания ряда этнически значимых концептов.

Сегодня в психолингвистической науке известно большое количество так называемых *малых ассоциативных словарей*, на материале которых делаются частные выводы по разным лингвокультурам и разным концептам.

По методике, предложенной Н.В. Уфимцевой на славянском материале [6-7], мы смоделировали *ядро языкового сознания* алтайцев-монолингвов, алтайцев-билингвов и русских, проживающих на одной территории, а также провели сравнительное исследование.

Попарное сравнение общего количества совпадений показало, что наиболее близки ядра языкового сознания *алтайцев-билингвов* и *русских* - 65 лексем (79,3%), в ядре *алтайцев-монолингвов* и *алтайцев-билингвов* 41 лексема совпадает (50%), а в ядре *алтайцев-монолингвов* и *русских* - 38 лексем (46,3%). Как видим, наиболее близки (почти в два раза, по сравнению с другими группами) группы алтайцев-билингвов и русских, что закономерно в связи с использованием одного языка в речи и в эксперименте - русского. Вместе с тем показательно и то, что другие две пары групп близки по степени близости ядра языкового сознания. Данный факт еще раз подтверждает выявленную степень близости, поскольку алтайцы-монолингвы практически одинаково удалены по содержанию своего языкового сознания и от алтайцев-билингвов, и от русских.

Сравнивая полученные результаты с данными анализа ядра языкового сознания славянских народов, проведенного на материале Славянского ассоциативного словаря, обнаруживаем, что 18 ассоциатов полностью совпадают по названным культурам - около 52%. Однако низкая степень совпадения единиц ядра языкового сознания славянских народов и алтайцев объясняется родственностью славянских языков, с одной стороны, и значительными различиями в грамматическом строе флективных и агглютинативных языков - с другой. Если сравнить совпадения в группах алтайцев-билингвов (с русским языком), русских (по А-РАС) и славян (по САС), то обнаруживается еще три совпадающие лексем: я, *добро*, *душа*.

Сравнение ядер языкового сознания русских (по данным А-РАС) и русских (по данным САС) выявило высокую степень близости: 35 совпадающих лексем, что составило 46,7%. Этот параметр незначительно выше, чем совпадение ядра славянских народов (САС); ср.: 32 совпадения - 42,7%.

На наш взгляд, это свидетельствует об активности этнических ассимиляционных процессов в алтайском языке. Следовательно, *ассоциативный эксперимент может стать средством обнаружения интенсивности/активности ассимиляционных процессов.*

Сравнение ядер языкового сознания алтайцев-монолингвов и хакасов-монолингвов [8], показывает высокую степень близости - совпадают 22 лексемы из 50, представленных в работе А.П. Боргояковой, что составляет 44%. Данный факт обусловлен прежде всего генетическим родством и типологическим сходством алтайского и хакасского языков (совпадения выявлены, несмотря на разницу в количестве полученных реакций: 620 хакасов и 920 алтайцев, а также различия в списке слов-стимулов). Таким образом, *генетическая близость этносов отражается в ассоциативном эксперименте*, несмотря на различие в списке слов-стимулов.

По данным Алтайско-русского ассоциативного словаря выявлена ассоциативно-смысловая структура языкового сознания алтайцев и русских, коррелирующая со структурой центра ядра языкового сознания (семья/дом/родина; природные явления и реалии; нравственно-этические нормы; эмоции и эмоциональные состояния; ценности; образование; язык; цивилизация; время).

Содержание этнических стереотипов определяется тремя группами факторов: 1) спецификой стереотипизируемой группы (т.е. особенностями этнической группы, закрепленными в культуре и обыденном сознании ценностями, выработанными в ходе общественно-исторического развития и т.п.); 2) социально-политическими и экономическими условиями развития этнических групп и особенностями взаимоотношений между ними, сложившимися на данный момент; 3) длительностью и глубиной исторических контактов с другими этносами.

Этнический автостереотип русских, реконструированный нами по значительному числу этносоциологических и этнопсихологических исследований, представляется следующим: *беспечность, гостеприимство, доброжелательность, доброта, душевность, лень, общительность, отзывчивость, открытость, простота, пьянство, терпимость, трудолюбие, честность.*

С целью выявления *степени выраженности этничности алтайцев и русских*, а также с целью моделирования этнорегионального стереотипа «я» алтайцев и русских проводился опрос по методике, разработанной М. Куном и Т. Макпартлэндом в середине 1950-х гг. и апробированной социальными психологами и социологами. Этничность - идентификационная категория и на индивидуально-личностном уровне выступает в качестве особой формы «Я»-концепции. Степень выраженности этнического «я» зависит от того, как человек определяет самого себя, а в структуре личностной определенности, и прежде всего в матрице социальной идентификации, этнический статус занимает хоть и существенное, но непостоянное место (эффект ситуативной этничности).

Алтайцам и русским было предложено ответить на вопрос «Кто я?». Испытуемым на выполнение теста давалось 12 минут. Количество ответов на этот вопрос варьировалось от 12 до 20 (при этом среднее количество составило 16 ответов для алтайцев и 14 - для русских). В нашем тесте (2001 г.) участвовало 65 студентов алтайского отделения и 67 студентов русского отделения филологического факультета Горно-Алтайского госуниверситета. Было получено 1079 реакций алтайских студентов и 953 реакции русских студентов.

Анализ полученных данных показал, что в фиксации личностных характеристик выделяются следующие стратегии: фиксация эмоционально-оценочных характеристик (39,9% реакций алтайцами и 59,9% реакций русскими); семейно-родственных характеристик (21,2% реакций алтайцами и 14% реакций русскими); профессиональных характеристик (18% реакций алтайцами и 11,4% реакций русскими); половозрастных характеристик (10,9% реакций алтайцами и 10,8% реакций русскими); этносociорегиональных характеристик (8,9% реакций алтайцами и 2,7% реакций русскими); фиксация имен собственных (1 % реакций алтайцами и 1,4% реакций русскими).

Результаты тестирования показали, что *русские* в оценке своего «я» ориентированы на эмоционально-оценочную стратегию, которая значительно превышает численность соответствующих алтайских реакций. *Русские* студенты, таким образом, отвечают скорее на вопрос «Какой я?». Студенты-алотаыг/ыг ориентированы более на семейно-родственные отношения, количество их реакций превышает на 7% русские реакции. Это соответствует данным, полученным в ходе ассоциативного эксперимента. В качестве слов-стимулов применительно к смысловому полю «человек» алтайцами (не только студентами, но и школьниками, а также лицами со сред-

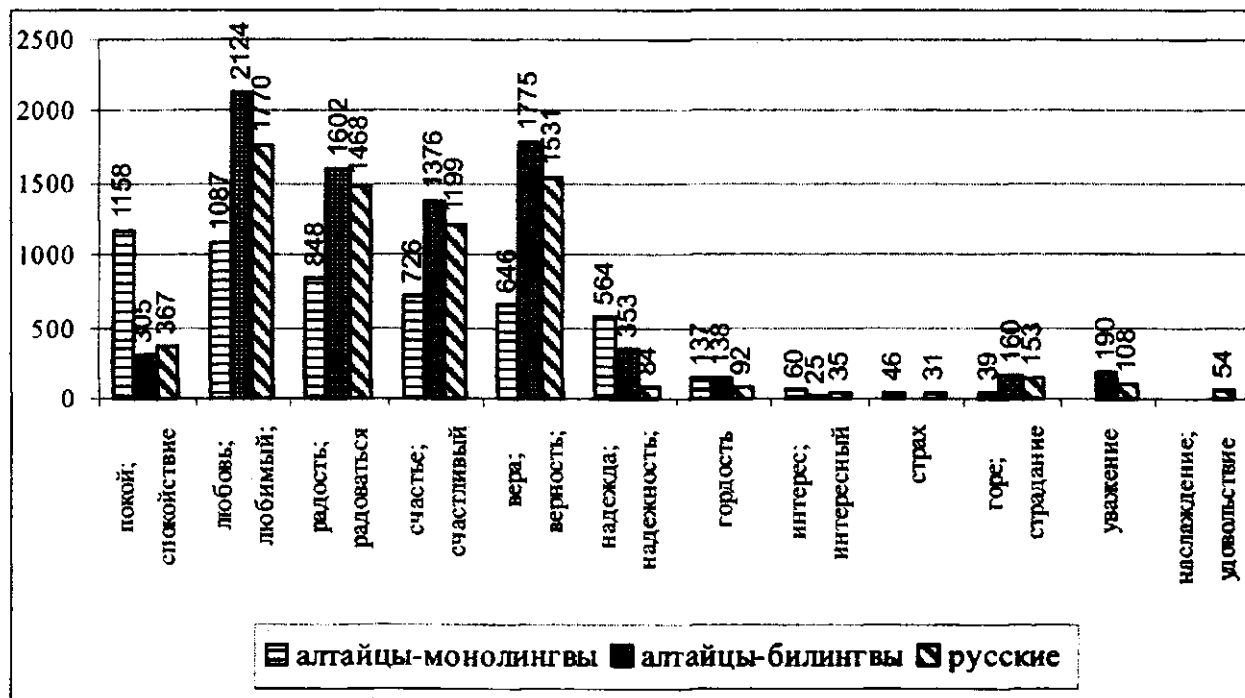

Диаграмма 1. Частотность эмоциональных концептов в языковом сознании алтайцев и русских (по данным А-РАС)

ним специальным и высшим образованием - всего более полутора тысяч человек) были названы *брат, дочь, отец, папа, ребенок, сын*, в то время как русскими были названы *коллеги, личность, любимый человек* (см. подробнее: [9]).

В связи с тем, что одна из определяющих характеристик менталитета и его составляющих стереотипов - эмоциональность как пристрастное отношение к миру, как выражение приоритетов, мы проанализировали структуру *базовых эмоциональных концептов* в алтайском и русском языках.

Несмотря на то, что сегодня накоплен огромный материал языковых репрезентантов различных эмоций, эмоциональных состояний, выполняется большое количество сопоставительных работ, *универсальные модели представления эмоций в разных языках не выявлены*. Данную проблематику всесторонне исследует Е.Ю. Мягкова. Процесс поиска таких моделей осложняется тем, что в разных языках сходные по значению слова могут иметь разную эмоциональную нагрузку [10-11]. Еще одно направление исследований эмоций - выявление специфики представлений об эмоциях у разных народов.

В связи с тем, что в алтайском языкознании не обнаружено лексикографических работ по исследованию словаря эмоций, была проведена предварительная работа по отбору лексем, обозначающих эмоции и эмоциональные состояния. При этом мы исходили из исследования Е.Ю. Мягковой списка слов-названий эмоций, проанализировавшей значительное число работ по составлению словаря эмоций [11]. Представляем алтайские эквиваленты названий-эмоций:]алтанбазы (решительность); jaMaH кбрбри (ненависть); jaMaH кбрбри (презрение); jaraTnaam>i (неудовольствие);]ескинери (отвращение); **Зеткилдеери** (удовлетворенность); **Зилбиркеери** (любопытство); бч (злость); бштбжу" (вражда); амыр jога (беспокойство); ачу-корон (горе); ачурканары (отчаяние); ачынары (возмущение); будери (вера; уверенность); казыры (ярость); **кайкаары** (удивление); керексибези (пренебрежение); коот (наслаждение); коркуш (страх); коркуш (ужас); коркыыры (испуг); кунугары (грусть); кунук (скорбь); оморкооры (гордость); су^нуш радость); суунери удовольствие; сууш (любовь); санаркаш (печаль); туймен (тревога); тооп турары (уважение); ты чугулданары (негодование); уйат (стыд); чугул (гнев); шоодоп айдары (ирония); **шыра** (страдание); ырыс (счастье); эрик (тоска); эрикчеен (скука).

Как показал ассоциативный эксперимент, в ядро языкового сознания алтайцев-монолингвов входят **эмоции**: *ижем/и (надежда), ижениш (надежда), сеенчи (радость), сееш (любовь), ырыс (счастье)*. Ядро алтайцев-билингвов представлено эмоциями: *любовь, надежда, покой, радость, спокойствие, счастье, уверенность*. Для русских актуальны эмоции: *любовь, надежда, покой, радость, спокойствие, счастье, уверенность*.

Таким образом, значимость эмоциональных концептов в языковом сознании алтайцев и русских неодинакова, что показывают и индекс встречаемости эмоциональных концептов в языковом сознании, и количество вызвавших их стимулов. Для языкового сознания **алтайцев-монолингвов** актуальна следующая иерархия эмоциональных концептов: *покой; спокойствие; любовь; радость; счастье; вера; уверенность; надежда; гордость; интерес; страх; горе*. Для **алтайцев-билингвов** - *любовь; вера; уверенность; радость; счастье; надежда; покой; спокойствие; уважение; горе; гордость; интерес*. Для **русских** - *любовь; вера; уверенность; радость; счастье; покой; спокойствие; горе; уважение; гордость; надежность; наслаждение; удовольствие; интерес; страх*.

С целью выявления этнопсихолингвистических особенностей репрезентации своего эмоционального состояния алтайцами и русскими нами был проведен эксперимент. Испытуемым предлагалась задача подобрать синонимы к словам, обозначающим эмоции и эмоциональные состояния. В эксперименте участвовало 100 студентов-алтайцев, отвечавших на алтайском языке, и 100 студентов-русских, отвечавших на русском языке. Список эмоций (13) составили названия так называемых базовых эмоций и эмоциональных состояний (в различных терминах - доминантные, ключевые): *амыр-энчу, ачу-корон, буру, будер, **јесКтери**, ижениш, коркуш, суунуш, сууш, уйат, чугул, шыра, ырыс* - для **алтайцев**; *вера, вина, гнев, горе, любовь, надежда, отвращение, радость, спокойствие, страдание, страх, стыд, счастье* - для **русских**.

Предварительно отметим, что в *алтайских словарях интенсивность эмоции не учитывается*. Одна и та же лексема может ситуативно обозначать различную степень интенсивности. В художественных текстах интенсивность чаще всего выражается лексически с помощью усилительных слов типа *очень, весьма, страшно, сильно*.

В процессе анализа полученных данных нами были выявлены следующие концептуальные признаки, лежащие в основе актуали-

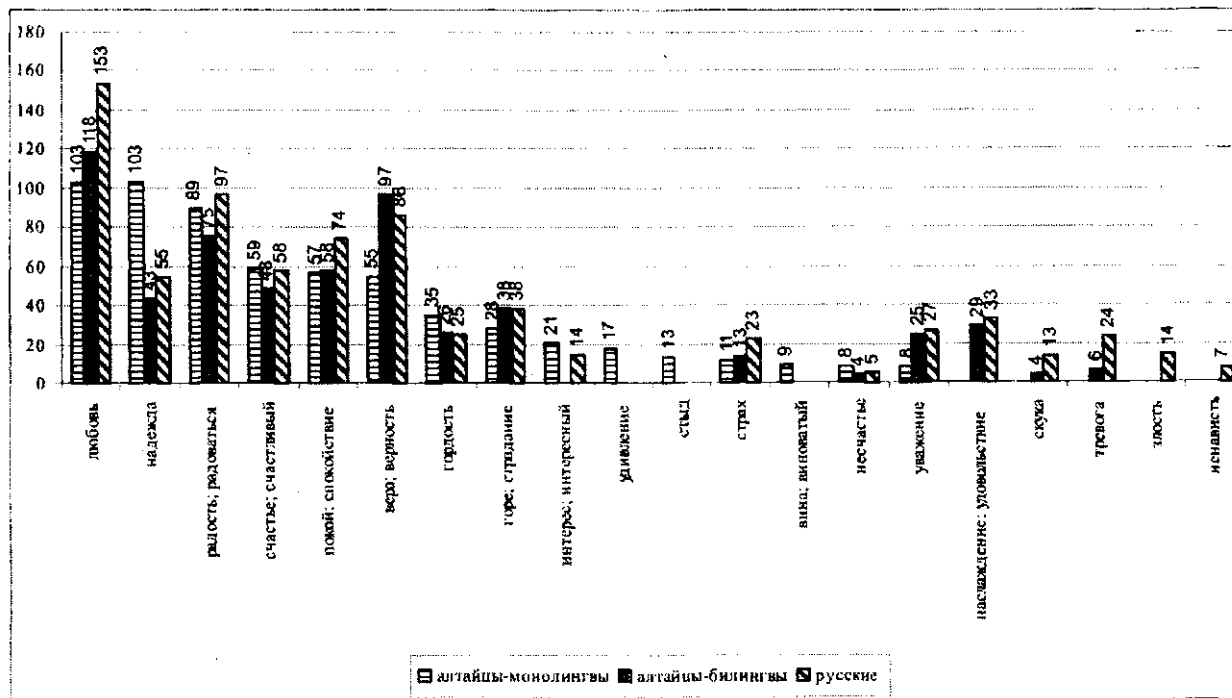

Диаграмма 2. Значимость эмоциональных концептов в языковом сознании алтайцев и русских (по данным А-РАС)

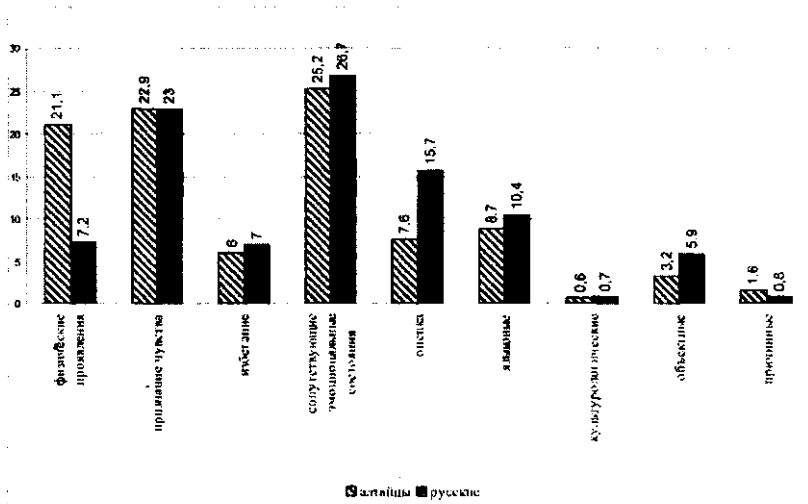

Диаграмма 3. Концептуальная карта представления эмоций алтайцев и русских, %

кой. В других случаях заимствуется определенный набор этих признаков.

Вместе с тем, как показывает эксперимент, *концептуальное пространство эмоциональных лексем расширяется* в случае, когда *заимствуются концептуальные признаки иноязычных лексем без соответствующей фонетической оболочки*. Примером такого процесса может служить эмоциональный концепт *уйат (стыд)*.

Условиями исключения заимствования лексем, репрезентирующих эмоции, служат: *исконность соответствующей лексики языка; базовый уровень эмоции, репрезентированной соответствующей лексемой; неактуальность признаков интенсивности и модальности эмоции в картине мира этноса.*

Ассоциативный эксперимент выявил также разные стратегии эмоционального поведения *алтайцев и русских*. Кроме того, ассоциативный эксперимент выявил корреляцию *отрицательной оценочности с физическими проявлениями эмоции*, а также корреляцию *нравственных принципов с эмоциональностью*. Первая корреляция доминирует у алтайцев, вторая - у русских.

В процессе анализа установлены алтайско-русские эквиваленты эмоциональной лексики; представлены синонимические ряды базовых эмоциональных концептов. Так, лексема *беспокойство* в русском языке имеет синонимы *тревога; волнение; смятение; взволнованность*. Компонентный и концептуальный анализы выявили также компоненты: *тревога; волнение; смятение; взволнованность; неугомонность; надоедливость; возбуждение; забота/заботливость; хлопоты/хлопотливость; замешательство; суета/суетливость; копошение; напряжение/напряженность; переполох; суматоха; суетолака; неудобство; назойливость; скука*. Алтайский эмоциональный концепт *амыр jorbi/туймен* (беспокойство/тревога) включает признаки: *шакпыра-; чакпын; чаптык; амыр бер-; токуна-/токына-; энчик-; апав, jуреКси-; туйме-; киле-; кичеен-; булгак; карузы-; чочы-; сана-; коркы-*.

Таким образом, выявление этнокультурной специфики речевой деятельности в современной отечественной науке остается актуальным направлением исследования. Предложены разные модели описания такой специфики в различных аспектах: культурологическом, психологическом, этнологическом, информационном [12-16]. Мы рассматриваем этнокультурную специфику в *этнопсихолингвистическом аспекте*, что позволяет не только интегрировать уже

рафцботинныс модели описания этнолингвистических различий культур, но и интерпретировать *специфику межэтнического взаимодействия*.

Перспективы нашего исследования мы видим в расширении ассоциативной базы данных и составлении на ее основе более полного алтайско-русского ассоциативного словаря с привлечением ассоциативных реакций носителей различных диалектов, функционирующих на территории Горного Алтая. Это позволило бы уточнить как диалектологические данные, так и лексикографические.

В связи с отсутствием в настоящее время лексикографических словарей алтайского языка и его диалектов (двухязычные словари 1947 и 1964 гг. не отражают современного состояния алтайской языковой системы) наш ассоциативный словарь может стать значительной базой для различного рода лексикографических работ: это и составление толкового словаря, и словаря синонимов, антонимов и под.

Литература

1. Залевская А.А. Вопросы теории и практики межкультурных исследований // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

2. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

3. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; М., 2001.

4. Голикова Т.А. Алтайско-русский ассоциативный словарь (Алтай-орус ассоциативный сбзлик). М., 2004.

5. Пищальникова В.А. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности / В.А. Пищальникова, И.В. Рогозина // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Москва; Барнаул, 2004.

6. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

7. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М., 2000.

8. Боргоякова А.П. Образ мира в языковом сознании этноса (Хакасы. Русские. Англичане). М, 2003.

9. Голикова Т.А. Этнопсихолингвистическое исследование языкового сознания (на материале алтайско-русского ассоциативного эксперимента): Монография. М., 2005.

10. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.

11. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск, 2000.
12. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
13. Перфильева С.Ю. Теоретико-экспериментальное исследование слов-названий эмоций и их функционирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
14. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004.
15. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000.
16. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание: методологические и теоретические аспекты // Этническое и языковое самосознание. М., 1995.

Е.Г. Гусар

ИДЕОЛОГИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ И RULES OF POLITICAL CORRECTNESS

(на материале дискурса центральных газет)

За последнее десятилетие в современный русский Концептуарий вошли устойчивые понятия «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» и «ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ». Без слов, обозначающих данные понятия, не обходится ни одна статья социально-политической тематики. Что это: дань моде или результат американизации (точнее, феминизации) общественного сознания? В первом случае за раздражающей частотой употребления не кроется «изменение поведения тех, кто пользуется языком» (Cameron D., 1998). Во втором следует признать появление нового «принципа русской культуры» - политически корректного поведения [1, с. 76].

Обращение к дискурсу современных СМИ (термин «дискурс» употребляется в самом широком его толковании как текст, функционирующий в контекстах ситуации и культуры (Halliday M.A.K.)) позволяет представить объективную культурную картину, о которой все чаще пишут как о «полифоничной».

Исследование текстов с лексемами ТОЛЕРАНТНОСТЬ и ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ (публикации в газетах «Коммерсант», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Российская газета», еженедельных журналов «Власть» и «Деньги» с 1 января